

ПАВЕЛ ВАРСАГАЕВ

ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ Н. А. КЛЕВОВА -
ВЕЛИКОГО ПОЭТА - ПРОРОКА И
ПРОВЕДЦА

Р. ТОМСК, 1999 Г.

ОБЪЯВЛЕНИЕ К ПОЭТУ Г. ТОМСКА А. С. НАКАРОВУ

Уважаемый, Александр Сергеевич, как именованный хозяин Г. Томска человек в нашей мере демократичный, вы уже совершили позволено дозволяющим волеи Вам в истории Г. Томска, как видному политическому деятелю и хозяйственнику. Среди этих дел: возвращение исторического названия центральной площади города, "Ново-Соборной", установление прекрасного памятника А. С. Пушкину, не ред существовавшего в Г. Томске, но в результате безответственности власти шунди варитов, не считающих ничего святого на Томской земле, возникли результаты и вот в прекрасные солнечные дни - установка неформальной доски на доме, в которой накануне ареста его карателями НКВД и убийства или при вынужденной поездке России и всего мира Николай Александрович Клавей.

Теперь и предлагается Вам совершить может быть самое трудное, но благородное дело, благодаря которому вы окончательно упрочитесь в истории Г. Томска, за что вы заслужили присвоение Вам звание "Почетного гражданина Г. Томска" как и на проходившей в сентябре 1999 г. Всероссийской научной конференции "Николай Клавей - национальный образ и судьба наследия" я еще раз вновь предложение переименовать ныне носящую площадь Ленина, в площадь Н. А. Клавей, который в 30-е годы стоял на Мамонтовом мосту этой площади и просил подаяние себе на пропитание. А на месте черного идолы установили памятник великому русскому поэту Н. А. Клавей в роде.

Ибо имя такого поэта-пророка, как и был Н. А. Клавей останется в веках, а имя черного идолы уже сейчас забывается новыми поколениями и со временем забудется совсем, а если и останется, то, как политического деятеля, отрывного самую провану и бесчеловечную страницу в истории окаянного XX столетия, чертой которого стал именно великий Николай Александрович Клавей, изомно русский человек и поэт-пророк и прорицатель.

Павел Барсагаев,

писатель-прозаик, издатель,
автор шести книг.

БЕЗУМЕРНО ДАГОДАРИ ТОМСКОМУ ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОМУ С ПРАВО-
ЗАЩИТНОМУ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ "МЕМОРИАЛ" И ЛИЧНО ЕГО СО-
ПРЕДСИДАТЕЛЕВ БОРНХА ПАВЛОВИЧУ ТРЕИНИЧУ ПРЕДСЕДАТЕЛЕВ БОРНСА ПАВЛО-
ВИЧА ТРЕИНИНА И ВИЛЬГЕЛЬМА ГЕНРИХОВИЧА ФАСТА ЗА ФИНАНСОВУЮ ПОДДЕРЖ-
КУ В ИЗДАНИИ ЭТОГО БРОШЮРЫ

ПАВЕЛ БАРСАГАЕВ

ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ Н. А. КЛЕВА -
ВЕЛИКОГО ПОЭТА, ПРОРОКА И ПРОФИЦА
/КОЛПАШЕВСКИЙ И ТОМСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА/

СБОРНИК РАННЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ И НЕОПУБЛИКОВАННОЙ СТАТЕЙ

Под редакцией доктора филологических наук, профессора ТГУ А. П.
Каварзина.

Барсагаев П. А. Последний воевода Н. А. Клева - великого поэта, пророка и провидца /Колыбельский и земский периоды жизни и творчества/. Сборник ранее опубликованных и неопубликованных статей. Издание автора. Томск, 1999 г. 88 с.

Рецензенты: кандидат филологических наук, доцент ТГУ Елена Римма Ивановна Колесникова, кандидат ~~исторических~~^{филологических} наук, доцент ТГУ, сопредседатель Томского историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества "Мемориал" Борис Павлович Тренин.

На обложке - портрет Николая Клева работы Анатолия Иракличенко.

Седьмая книга писателя-краеведа Павла Алексеевича Барсагаева составлена из нескольких опубликованных в областных и районной газете Томской области и неопубликованных статей. Они посвящены юбилейному и томскому периоду жизни и творчества Николая Алексеевича Клева и отряду томских краеведов как естественному явлению, вызванному последним воеводою великого поэта-пророка и провидца в Томске в октябре 1937 года. Тот год был одним из самых трагических и превалирующих в истории г. Томска, которому в 2004 г. исполнилось 400 лет со дня его основания.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сентябре 1999 г. в Томске стояли солнечные, сухие и теплые дни, особенно с 14-15 чисел и позже. Настоящее золотое "бабье лето" А 16, 17 и 18 сентября в Томске состоялась Всероссийская научная конференция "Николай Клавиев - национальный образ мира и судьба наследия". Она была посвящена 115-летию со дня рождения великого поэта.

Организатором конференции был доктор филологических наук, профессор ТГУ Александр Петрович Каваркин. Членами оргкомитета были: ^адидная педагогических наук Валерий Анатольевич Доманский, кандидат филологических наук Николай Валентинович Серебренников, член Союза журналистов РФ Галина Анисоновна Колосова и заведующий лабораторией научно-исследовательской части ТГУ Михаил Николаевич Балацкий.

Город Томск для проведения Всероссийской научной конференции был избран никак не случайно, ^откуда что здесь 23-25 октября вралогго 1937 г. кулей карателей НКВД был прерван последний вздох великого поэта-пророка и прорицателя Николая Алексеевича Клавиева. Память о его убийцах уже давно поросла быльем, а ^эти дни вспомнить и ~~надеждами~~ подробно разобрать его творчество приехали ученые-клавиеведы и краеведы из Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Петрозаводска, Мурманска, Великого Новгорода, Красноярска, Барнаула, больших и малых городов Западной Сибири: ^{Новосибирска,} Кемерово, Новокузнецка, Анжеро-Судженска. Однако тон задавали ученые-клавиеведы Томска. Они сделали более всего содержательных докладов о жизни и творчестве великого поэта. Среди ведущих виднейших ученых: самый крупный исследователь-клавиевед из Москвы Сергей Иванович Субботин - один из публикаторов писем Н. М. Клавиева из Колышаного и Томска в 1988 г. в журнале "Новый мир" и редактор-составитель сборника "Николай Клавиев. Исследования и материалы", выданного под эгидой Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук в Москве в издательстве "Наследие" в 1997г); доктор филологических наук, профессор из Санкт-Петербурга Александр Иванович Михайлов и доктор филологических наук, профессор из Петро-

автором Елена Ивановна Маркова, Кроме нее, А. И. Михайлова и С. И. Субботина из авторов указанного сборника сделал доклад "Старообрядчество как духовная основа творчества Клычева" поэт из Киева Глеб Сергеевич Ситко. О нем автор послесловия в сборнику Глеба Ситко кандидат филологических наук С. К. Росовецкий написал следующее: "... второе печатное собрание стихотворений Глеба Ситко - весьма своеобразное явление современной русской поэзии Украины". Речь идет о сборнике стихов Глеба Ситко "Пасхалия", вышедшего в Киеве в 1997 г. в библиотеке журнала "Православие и культура". На второй странице обложки крупным шрифтом напечатано: посвящение "Николаю Клычеву - великому поэту Руси посвящается..."

Во время конференции в Томске впервые о Н. А. Клычеве прозвучали слова "Великий поэт". Их произнес Сергей Иванович Субботин, но особенно ярко это звание прозвучало из уст почти каждого выступавшего во время открытия мемориальной доски на доме по улице Переулку Ачинскому, 15, в котором Н. А. Клычев жил несколько времени перед арестом в июле 1937 г. Полотняный чехол с мемориальной доски снимает инициаторы ее открытия А. И. Казаркин, дуна конференции Г. А. Колосова и гости Томска Сергей Иванович Субботин и Александр Иванович Михайлов. Обращаясь прямо к доске и Николаю Алексеевичу Клычеву, как к живому, все выступавшие читали его великие стихи и называли поэта великим. Недалеко до этого все участники научной конференции посетили Троицкую церковь, в которой бывал в 30-е годы поэт, и поставили зажженные свечи за его упокой.

В своем замечательном докладе, сделанном в начале конференции, Александр Иванович Михайлов сказал, что Н. А. Клычев разделил судьбу России и назвал великого поэта одним из великих поэтов века. А. И. Михайлов передал томским клычевцам новенький металлический чайник, который так и не успел воспользоваться поэт, до переезда в Москву из Санкт-Петербурга, в котором жил до этого.

Одним из важных итогов Всероссийской конференции было пожелание томским школьникам углубленное изучение жизни и творчества великого поэта. Первым это пожелание настоятельно прозвучало в интересном докладе одного из членов БУР оргкомитета Валерия Анатольевича Даманского: "Клэв и школьное литературоведение".

Конференция завершилась круглым столом, который прошел в мэрии Томска. В своем кратком выступлении я, полагая, что на нем отсутствует мэр Александр Сергеевич Макаров, не присутствует депутат городской думы один из томских клэведов Лев Федорович Пичурки, внес предложение переименовать нынешнюю площадь Ленина в г. Томске в площадь Н. А. Клэва, поскольку на ней в середине 30-х годов на Каменном мосту стоял и просил милости себе на пропитание великий поэт, убитый в Томске. А на месте стоящего на площади памятника Ленину установить памятник Н. А. Клэву - тоже в полный рост. Сергей Иванович Субботин посоветовал включить мое предложение в резолюцию конференции. Александр Иванович Михайлов отметил в беседе со мной, что мое предложение явилось главным завершающим завершающим итогом конференции.

Всероссийская научная конференция, посвященная великому русскому поэту Н. А. Клэву стала ярким событием в жизни Томска, но областные газеты, широко освещая судебный процесс над неким серийным убийцей и подробно сообщая о фактах криминальной хроники, почти совершенно не заметили Всероссийскую научную конференцию, проходившую в Томском государственном университете и мэрии, которую открывал и напутствовал вступительным словом ректор ТГУ Г. В. Майер, и не освещали о ней ни в начале, ни в ходе, ни после ее завершения. Лишь "Томский вестник" в своем приложении "Буф-~~вад~~^р" посвятил ей чуть больше строчки. В те же дни проходила предвыборная кампания по выборам старого-нового главы администрации области. Все газеты были заполнены агитацией, устраивали в грязь ротивников Кресса и по два ^{РАЗА} в номере печатали во всех видах его портреты. Не до ~~Всероссийской~~ конференции было.

А Б В А К У М Д В А Д Ц А Т О Г О С Т О Л Е Т И Я

/КОЛПАКОВСКИЙ И ТОМСКИЙ ПЕРИОДЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
Н. А. КЛЗЕВА/

"... завещаю тебе в случае моей смерти
поставить на моей могиле голубец - в хму-
рой Нарымской земле..."

/Из письма Н. А. Клевева от 18 июля
1934 г. из Колпашево С. А. Кличкову/.

1. Немного о томских

Клевевах

"На станции Тайга на вокзале осенью 1937 года умер от разрыва
сердца большой и сложный русский поэт Николай Клевев..."

Хоть и в ложном своем утверждении о месте и причине смерти
Чивиликин верно сказал, что Н. А. Клевев - "большой и сложный рус-
ский поэт".

А в беседе за "ругим столом" "Литературной газеты" от 17
1989 г. литературовед И. Роднянская дала Николаю Алексеевичу Кле-
веву следующую оценку: "Лишь недавно узнанный мною Клевев вошел для
меня несомненно и доподлинно - в ряд великих поэтов".

Современный русский поэт Николай Тряпкин в стихотворной стро-
ке сказал: "Сей Аввакум двадцатого столетия!"

А не случайно сообщение В. Чивиликина, уроженца ст. Тайга, о
смерти поэта назвал ложным. На самом деле, Н. А. Клевев погиб в
Томской тюрьме 23-25 октября 1937 г. от пули большевистских палачей-
убийц.

В Томске в 30-е годы XX в. было убито много замечательных ру-
сских людей, начиная с князя А. В. Волконского /в 1935 г./ и его жены
Заветы Александровны до философа Г. Шпета и геолога-почвовода Р.
Ильина, но убийство в пятидесятилетнем возрасте Н. А. Клевева

де поэтине невозможной утратой в культурной и духовной жизни России.

Человеконенавистническая система, бесчеловечная и уничтожившая все лучшее и высшее в стране более семидесяти лет, не только убивала поэта физически, но и приложила все свои усилия, чтобы стереть и память о нем, поэтому, пока в печати не появилась поэма "Песнь о Великой Натери" (фрагменты в журн. "Огонек" №№ 35-37, 1991, верн. "Знамя" № 11 за 1991 г./, русская и мировая общественность не имела полного представления о том, какой это был великий ^э поэт и человек.

Пока в № 8 журнала "Новый мир" за 1988 год не были опубликованы письма Н. А. Клеова из Коммунара и Томска /публикации, вступительная статья и комментарии Г. С. Климкова и С. И. Субботина/, особенно, до выхода его книг в 70-80-е годы, этот великий русский поэт казался загадочным ^к Сфинксом, в его биографии многочисленные недоброжелатели от литературы вылезали множество небылиц и лжи. После этой крупной публикации и в Томске в мгновение она появилась целый косяк клеведаев и почитателей поэта.

Очень тепло хочется отозваться об истинных знатоках его поэзии В. Пойнере и Н. Серебrenникове. Это ~~их~~ инициатива была закана, изготовлена и установлена мемориальная доска с голубцом на доме № 12 по пер. Красный Пожарник, в котором жил Н. А. Клеов с ноября 1934 до конца апреля-начала мая 1937 года. Большую и кропотливую работу по розыску документов и людей, помнивших поэта в период его жизни в Томске, проделали истовые клеведаевы Врий Хардинов и Александр Афанасьев, в газетах и журналах опубликовавших крупные исследования о нем. Например, Врий Хардинов свое исследование "Кровь моя... связует две ^{журнала} эпохи" были опубликованы в журналах "Сибирские огни" и в № 12 "Наш современник" за 1989 год.

Одним из истинных томских клеведаев считается профессор Томского педагогического университета и член союза писателей Л. Ф. Пичурин.

В областных газетах он опубликовал больше десятка статей на эту тему, стал составителем поэтического сборника Клевер Н. А. Сиккелторонни и поэмы, вышедшего в Томске в 1990 г., издавал книгу "Последние дни Николая Клевера - вышла в издательстве "Водолей" в Томске в 1995 г. Но вот я начал и читать /хотя это дела давно минувших дней/ его статью "Все предьявления улик", опубликованную в томской областной газете "Красное знамя" от 26 августа 1991 г., и в первом же абзаце наткнулся на остроты: "дяди типа Клевера". Однако не столь этот остроты, а то, к что к нему привязано, заставило меня перечитать начало этой статьи и задуматься над его смыслом, и теперь и процитирую: "О том, что "дело" Н. А. Клевера - фальсификация, ныне, конечно, известно каждому любознательному томищу... это так, но "дело" существует, что-то в нем писалось и какое-то подобие следствия проводилось. Каков механизм этого процесса? Назвать его надо, ибо, во-первых, это наша история, из которой ничего не выбросить, а кроме того, знание механики преступлений может предостеречь от его повторения. Скажем прямо, гарантии-то пока нет, более того, нет-нет да и услышишь на ином митинге призывы поставить кого-нибудь к стенке, повесить оппонентов на фонарях или, как минимум, объявить вне закона /подчеркнуто здесь и далее мною. - Н. Б. Такие митинги и призывы уже были, и именно тогда дяди типа Н. А. Клевера оказывались обреченными..."

Не случайно я не подчеркнул последней фразы цитаты полностью. Тут, понятно, речь идет о митингах 80-х годов, нагнетавших историю врагомании. А вот, что предвещует ей, вызывает, по меньшей мере, недоумение. И даже протест. Ведь в подчеркнутых мною строках Л. Пичурина речь идет о митингах, проводившихся демократическими силами Томска в 1989-1991 гг. и тоже посещал эти митинги, но призывов ставить кого-то к стенке и вешать оппонентов на фонарях никогда и ни от одного демократа не слышал. Да этого просто не могло и быть.

Близко к истине утверждение Л. Пичурина объявить оппонентов не закона, но оно сильно преувеличено. Были признаны судить за человеконенавистнические преступления руководство КПСС, распустить партию, считать ее преступной. Но ведь в таком случае Л. Пичурин считает "людьми типа Н. А. Клюева и его палачей. Бряд ли многие почитатели великого русского поэта согласятся с таким сравнением.

Бывал я и на митингах, проводимых томскими коммунистами на проезжей части между зданием института физического здоровья и бывшей площадью революции. Если их митинги не приурочивались к коммунистическим праздникам, то почему-то назывались цинично "митингами годовых очередей". На них собирались хорошо одетые, холеные, красно-рожие граждане. Правда, их ^с типа была грубо рабавлена старухами, разъяренными до белого каления, готовыми перервать глотку любому инакомыслящему. А со ступеней института провозносились призывы уничтожить демократов. И раздавались угрозы со стороны главарей расправиться с любыми инакомыслящими. Своими глазами видел как тот или иной выступающий показывая рукой на сцену, что стояли напротив, и кричал: "Будете висеть на них, как только мы вернется к власти!" Не правда ли, Лев Федорович? Если вы, конечно присутствовали на этих грозных шоу? Сознаюсь, что вас там я не замечал, а скорее всего, забыл, хотя и видел. Одно только нар непременно, что вы и теперь, в самом конце столетия, не-прежнему остаетесь ярыми коммунистом. Об этом свидетельствуют все ваши публичные выступления в средствах областной массовой информации. А искренне жаль! Вы ведь умный и высокообразованный человек. Пора бы, наконец, разобраться и упорядочить свои идеини позиции. Иначе, мне вас просто жаль!

2. "... зловец тебеи мой измененный путь..."

Лучше, чем сам Н. А. Клюев, никто не расскажет о его жизни в Ковдыве и Томске. Поэтому, несмотря на то, что многие томичи /иные ввиду почитателей Гения поэта/ читали его письма, опублико-

важные в "Новом мире", а многие, наверняка, и незнакомы с ними, напомню отдельные места из них.

2 февраля 1934 года Николай Алексеевич Кляев был арестован органами НКВД и выслан из Москвы сроком на пять лет "во глубину сибирских руд". А уже 12 апреля им были посланы из Томского изолятора первые новости о себе, и 7 мая он уже получил первый телеграфный денежный перевод.

Из Томска, на одном из первых пароходов, по открывшимся рекам Томи и Оби Н. А. Кляев был отправлен в г. Колпашево, в то время считавшийся поселком.

Это, как и весь Нарымский край, в 1930-1931 гг. принимавший сотни тысяч крестьян-спецпереселенцев, была Тарьма без стен и решеток, во сто, в тысячу раз куда более страшная, нежели в те годы, когда в нейной отбывали ссылку те самые видные большевики, которые ко времени осуждения и убийства поэта превратились в палачей народов, убийц, развязавших геноцид против них.

Как предполагали авторы публикации в "Новом мире" Г. С. Клычков и С. И. Скулаботин, в начале июня Н. А. Кляев был уже в Колпашево. Они далее пишут: "Спустя несколько дней он разослал многим своим друзьям и знакомым письма с просьбами о помощи. Среди его адресатов были: С. А. Толстая-Есенина и дирижер Н. С. Голубанов, певица Н. А. Обухова и ее подруга Н. Ф. Христофорова-Садовая, молодой художник А. И. Яр-Кравченко... И конечно... своему многолетнему творческому соратнику - Сергею Антоновичу Клычкову, чья поэзия и проза стали заметным явлением в русской литературе первой трети нашего столетия".

С сентября 1934 г. началась регулярная переписка Николая Алексеевича с женой друга /С. А. Клычкова/ Барбарой Николаевной Горбачевой, ее ее постоянной денежной помощи и посылок он погиб бы значительно раньше своего последнего ареста в начале лета 1934 г.

В первом же своем письме С. А. Клычкову, написанном 12 июня того

же года, Н. А. Клавов так отзывался о Колпашеве: "... Поселок Колпашев - это бугор глины, усейный ^с пчеловошными од бед и непогодиц пшамп, дотуга набитыми осильными /чем не тарешные камеры большевикстоники вастенков? - П. В./ . Есть нечего, продуктой нет /тоне большевикстоники коммунистическая практика. - П. В./ или они до смежного дороги. У меня никаких средств к жизни, мигостане же здесь подавать некому, ибо все одинаково ржут, как волки, в погоне за краньем..."

Такув жизнь создали в Нарыме, да и во всей Сибири и России большевики ленинцы-сталинцы в течение 40-50 лет XX столетия для народов своей империи - Советского Союза.

А вот как поэт живописует Колпашево в письме Н. Ф. Христофоровой-Садомовой от 10 июня 1934 г.: Население - 80 процентов осильных - китайцев, сартов, визотических кавказцев, украинцев, городская шпана, бывшие офицеры, студенты и безличные люди из разных концов нашей страны - все чужие друг другу и даже, и чаще всего, враждебные, все в поисках кранья, которого нет, ибо Колпашев давным-давно стал - обглоданной костью. Вот он знаменитый Нарым!.. Но больше всего меня пугает люди, какие-то похупцы, лютые голедины, безблагодатные и сумасшедшие от несчастия... Гибель неизбежна, я очень слаб, весь дрожу от истощения, не дающего /минуты отдохновения больного сердца, суставного ревматизма и ночных видений..."

В таких нечеловеческих условиях, созданных поэту большевиками, не могли не возрасти провидческие способности Н. А. Клавова. В первом же письме С. А. Клычкову он писал: "... Мерзлый нарымский торфяник, куда стащат безгробное тело мое, должен умереть и врагов моих, ибо живому человеческому существу большей боли и поругания нельзя ни убавить ни прибавить..." . А вот коммунисты-большевики-ленинцы-сталинцы придумали именно такую казнь для своего народа-раба и, одновременно, для великого русского поэта.

Друзья и товарищи откликнулись на просьбу поэта о помощи. В откры

рытие С. А. Клычкову от 4 августа 1934 из Калужки Г. он сообщил: По-
лучил перевод 30 руб. в ^{самый} разгар голода. Питался только хлебом
и диким лесным чесноком...". Видимо, поэт имел в виду колбу /сереньку,

В дальнейшем и до самого последнего ареста Н. А. Кизев постоянно
получал телеграфные донесенные переводы и почтовые посылки, главным
образом, от В. Н. Горбачевой.

В чем же заключалась вина великого русского поэта? В первом же
письме из Колпашева С. А. Клычкову он объясняет другу: "... я сгорел
на своей Погорельщине, как некогда сгорел мой прадед протопоп Авва-
кум на костре пустозерском..." Это свое сообщение поэт подкрепил в
письме Н. С. Годованову от 26 июля 1934 г.: "... я сослан за поэму
"Погорельщина", ничего другого за мной нет. Статья 53-ая, пункт
10-й, предусматривающий агитацию..." И этим все сказано: никаких
преступлений перед Россией Н. А. Кизев не совершал. Он оказался инва-
комислящим человеком ненавистным коммунистическому режиму, про-
водившему геноцид, войну против собственных народов, а также про-
тив народов всего мира. Поэтому, в Нарыне и Томске расстреливали не
только граждан СССР, но и американцев, австрийцев, болгар, венгров,
китайцев, корейцев, немцев, поляков, финнов и ^{ТУРКОВ} авенцев, и всех других
государств /книга в 5 томах "Воль лядокал", Томск 1991-1995/.

В письмах к друзьям и товарищам из Колпашева Н. А. Кизев просил
начать хлопоты хотя бы о смягчении своей участи, послабления ре-
жима ссылки, по его выражению "остроширр". Главные хлопоты легли
на плечи С. А. Клычкова. "В итоге, - пишут авторы публикации, -
между 6 и 11 октября 1934 года Кизев был переведен из Колпашева в
Томск!

Томск встретил Николая Алексеевича не менее сурово и враждебно,
чем Колпашево. В письме В. Н. Горбачевой отсюда от 12 октября того
же года он так рассказывает об этой встрече: "... как получил пере-
вод в г. Томск, говорят, что ^{это} милость, но я внорь без угла и без ку-
лава хлеба. Постучался для ночлега в первую дверь - ~~хорошо, мне~~

Христа ради. Жилье оказалось набитое семьей, в углу оумаспедный сын, ходит под себя...".

Оказалось, что и в Томске квартиры-камеры, как тюремные, до отъезда набитые без суда репрессированным народом, как в Колпаево. Из исследований общества *И* "Мемориал" сегодня известно, что многие состоятельные горожане репрессировались, а их семьи выбрасывались из просторного жилья на улицу, и его немедленно занимали партаппаратчики-коммунисты и советские начальники, чекисты, грабили и все самое ценное их имущество.

Через двенадцать дней накануне свадьбы другу Н. А. Кляев рассказывает в своем письме Н. Ф. Христофоровой-Садомовой: "Дорогая Надежда Федоровна. На самый праздник Покрова меня перевели из Колпаева в город Томск... но, выйдя с парохода в ненастное и студеное утро, я ощутил второй раз в сонике без угля и без куска хлеба. Уныло со своим узлом я побрел по неизмеримо грязным улицам Томска. Кое-где присаживался то на случайную скамейку у ворот, то на какой-либо приступок; промокший до костей, голодный и холодный /только коммунистическая система способна так унижить и оскорбить человека, как простого рабочего и крестьянина, так и Геним. - П. В./, уже в потемки я постучался в первую дверь кособокого старинного дома на глухой окраине города - в надежде выпросить ночлег Христа ради..."

А дальше обреченный поэт-смертник, сморенный усталостью и голодом и мгновенно забывшийся /в таком состоянии у измученного человека путается лишь со сном/, без сомнения, рассказывает *И* сон - Н. Ф. Христофорова-Садомова во всех подробностях записала шесть снов Н. А. Кляева, рассказанных ей ³ зимой в 1931-1932 гг./: "К моему удивлению, меня встретили средние лет, бледный с кудрявыми волосами и такой же бородкой, человек - приветственным: "Провидение посылает нам гостей! Проходите раздевайтесь, вероятно, устали" При этих словах человек с улыбкой стал

раздевать меня, придвинул стул, встал на колени и стащил с моих ног густо облепленные грязью сапоги. Потом принес валенки, постель с подушкой, быстро наладил мне в углу комнаты/У ночлег. Я благодарил, едва сдерживая рыдания, разделся и улелся - так как хозяин ни о чем не расспрашивал, просил только меня об одном: успокоиться, лечь и уснуть. Когда я открыл глаза, было уже утро. На столе кипел самоварчик, на деревянном блюде хлеб... За чаем хозяин поведал мне следующее: "Пришел говорит, ко мне красивая статная женщина в старообрядческом наряде, в белом платье по брови - прими к себе моего страдальца - обратилась она ко мне с просьбой, я за него тебе заплачу, и подает золотой..." Моя родительница упреждает пути мои. Мало этого - случилось и следующее. Я полез в свой мешок со съестным - думал закусить с книтуком, но сколько я ни ломал ногтей - не мог развязать пестрядной кромки, которую завязывал мне конвойный солдат мешок. Хозяин подал мне ножи, я ^Т сел пицить по узлу, и ^А боль рубца отлетела уцелевшая пуровка, а за ней из-под толстой домотканной заплата вылез желтый кружочек пятирублевой золотой монеты!"

Правда, дальше следует рассказ, похожий на явь: "... вот Вам доказательство того, что не меркнет престол и вечный свет. Хозяин, сильный дракон с Волги, скоро кончат срок своей ссылки, поедет через Москву, если можно, то зайдет к Вам с поклонами. Только расспрашивать его не нужно, если он почувствует внутреннее разрешение на это, то и сам расскажет. Про такие явления нельзя говорить холодным, набитым лукавыми словами, людям. Теперь я живу на окраине Томска, ^У близ береговой рощи, в избе кустика-кестяница. Это добрые бедные люди, ^Е дни работают, а ночи когда уже гаснут последние городские огни, встает перед образа на мой великий подвиг, ничего не говорит мне о деньгах, не ставит никаких условий, что будет дальше - не знав... Чувствую, что я вижу долги, тизкий сон. Когда я проснусь - это значит, все кончилось, значит, я под гробо-

вой доской..."

Прочитанное так полно письмо Н. А. Клычева никак пока что не разгадано, по^стому что уже через месяц и два дня в письме В. Н. Горбачевой⁵⁰ поэт сообщает свой конкретный адрес - пер. "Красного Парти^{ка}ка", изба № 12.

Об этой "избе" в письме В. Н. Горбачевой от 24 25 мая 1935 г. "У меня же общая изба, где народу 14 человек - мужичья и баб с реб^ятами".

Однако еще несколько фраз о шести снах Н. А. Клычева, как уже сказано, записанных Н. Ф. Христофоровой-Садомрвой. В комментариях^{ХК} к письмам, опубликованным "Новым миром", приводятся второй и третий в которых ему являлась мать, память о которой священна для него. случайно в нескольких письмах В. Н. Горбачевой Николай Алексеевич описывал вещи покойной матери и просил все что бы то ни стало собрать^{ста} их.

Четвертый сон поэта конмарно сбывается. Позволь себе напомнить^{его} "Иду по безбрежному ледяному паду пространству. Полная тьма. Наткну^{ска}сь на какие-то нивелированные небольшие кучкообразные глыбы, издающие вопли, стоны. Наклоняюсь, окунывая и с ужасом узнаю человеческие головы, рассеянные по необозримому ледяному пространству. Эти сто^{ны} сливались в какой-то потрясающий гул, рев. Окунывая и разбираю, все тело погружено в ледяную, замерзшую, скованную плотную массу^{сли} плечи. И лишь на поверхности - полузамороженные головы с непередаваем^{сти} страдальческими глазами, открытым ртом, с перекошенными смертельно судорогой губами и всем лицом. Волосы стояли дыбом вокруг головы, твердо замерзшие, и казалось, что это вокруг огромные терновые ве^{кисы}зубы оскалены в великом неестественном напряжении. Куда бы я не и^{ка}ворачивался, желал бежать из этого ада, - всюду была одна карти^{на}ни^с оплывшего нечеловеческого страдания - все головы были в одном положении, как вочны. Все еще старался бежать и наткнулся на какой-то

знакомый взгляд, такой же непередаваемо ужасный, и я узнал... Я узнал одного из моих собратьев-печалов, погибшего от собственной руки, по своей, упавшей до бездны воле... Он тоже узнал меня, умоляюще кричал о помощи, - но я сам изнемог в этом мертвяще-ледяном индустриальном лагере... Я опустился на колени..."

И Н. А. Клюев побывал в Наримском лагере, где на островах большевистские убийцы голодом умертвили и затопили многие десятки тысяч людей: стариков и детей, женщин и девушек, мужчин и юноши в зрелом, цветущем возрасте; живыми отправляли на дно Оби в трюмах барж тоже тысячи и тысячи человек - крестьян, рабочих, служащих. Эти лагери были не только Нарим, но и вся область, сам Томск, Колпашево, Асино, весь Тегульдетский район, Тунгусский Бор. В единый лагерь, часть за кольцевой проволокой и без нее, была превращена вся Томская область, а в заключенных и осужденных - все ее население, как и всей страны.

До 1935 года в области существовала карточная система на хлеб. За пределами лагерей ГУЛАГа народ голодал, бедствовал, нищенствовал и все это выпало на долю великого русского иерарха поэта Николая Клюева.

В письме, отправленном Н. Ф. Христовой-Садомовой в августе или сентябре 1936 г., Николай Алексеевич так описывал условия, в которых жил в пер. "Красного Печарника": "... за двадцатью досчатой заборами от моей камерки - день и ночь идет современная симфония - пьянка, драка, проклятия, - рев бабий и ребячий и все это покрывает доблестное радио..."

А по-иному и не могли себя вести униженные и оскорбленные люди, содержащиеся у спинного корыта, которому их поставил коммунистический режим.

Но и в этом кошмаре великий поэт жил напряженной духовной и творческой жизнью. Во многих письмах он интересовался литературными делами близких и своих товарищей: "Как живут поэты" "Очень волнует судьба

Васильева", "Как живет П. Васильев?.." И, зная, что он его, Павел Клавьева, предавал, добавлял: "... крепко ли ему спится?" И он "... что слышно о П. Васильеве? Где он?" А вот более пространно письма В. Н. Горбачевой от 22 декабря 1936 г.: "Объявился и Васильев ⁶²⁶ или пишет из тюрьмы? Что Литгазеты называли его бездарным - это нечего не доказывает. Поэт такой яркости, обладатель чудесных арсеналов с кладенцами, может оказаться бездарным совершенно по другим причинам... Мне бы очень хотелось прочесть бездарные стихи Павла, ^{ХО-} ты он и много потрудился, чтобы я умолк навсегда. Передайте ему, ^{что} я написал четыре поэмы. В одной из них воспет и он, не как негодец Кудя и убийца, а как хризопас самоцветный!.." ^{сб}

Суть конфликта между Н. А. Клавьевым и Павлом Васильевым прояснилась только после публикации писем Николая Клавьева дочери художника Т. А. Кравченко к ^{сб} ее отцу А. Н. Кравченко в сборнике "Николай Клавьев. Исследования и материалы", изданном в Москве издательством "Наследие" в 1997 году. Этот сборник мне любезно подарил его составитель Сергей Иванович Субботин, главный исследователь жизни и творчества великого поэта. ^{РЕДАКТОР - 4}

В письме от 11 мая 1933 г. из Москвы Н. А. Клавьев пишет А. К. художнику: "... Вот еще тебе еще пример из книги жизни: ты ведь знаешь реална Васильева, на его поганое дорогое пальто и костюмы - робыльцо ^{сб} ся им, но жже эта пустая гремящая бочка лопнула при первом ударе. Случилось это так: Оргкомитет во главе с Гронским заявил, что книга Васильева - сплошь плагиат - по Клавьеву и Боснину - нашли множество подложных мест, мов Гусьня в его поэме... Все его приятели лавт его как могут, а те дома, где он бывал, оправдываются том, что они и не слышали и не знакомы с Васильевым..."

Вопреки московским "приятелям", предавшим Павла Васильева, тот не ~~осердился и обиделся на него не отвернулся от талантливого поэта, как видно из письма, отправленного в конце декабря 1936 г. в~~

не оскорбленный и обидчивый в 1933 г. на него Николай Клезов не от-
вернулся от тынцангского поста, как видно из письма, отправленного
в конце декабря 1936 г. из Томска. Этот факт личный раз подтверждает
владельца Н. А. Клезова.

В своих письмах Н. А. Клезов частенько спрашивает о М. Пришвине,
О. Мандельштаме и других знакомых писателях, художниках.

Николай Алексеевич в ссылке читал роман Романа Ролана "Лан-Кри-
стоф" сам сочинял. Он писал об этом: "Несмотря на бездомье и отсутст-
вие уединения, сердце мое полно стихами. Правда, все они не записаны,
а хранятся в арсенале памяти и тихо радуют меня: иждю, кое-что оза-
лось для меня в жизни..." Это 25 июня июля 1935 г., а 10 августа
1936 г.: "... я написал поэму и несколько стихов, но у меня их уже не
нет: они в чужих восточных руках..."

Как и в лучшие времена Н. А. Клезов не мог проходить мимо вечных
ценностей и в Томске. Он писал 10 августа 1936 г. В. Н. Горбачевой:
"... У меня были с трудом приобретенные кое-какие редкие книги и
старинные игры - мимо которых я как художник, не могу пройти равно-
душно, но и они с злополучного марта в чужих руках..." Асно, что все
это обняла палец-грабители в чекистской форме. Это был не ворьяй
грабед. Ранее, в одном из писем Н. А. Клезов отмечает: "...Посылку с по-
сылками вещами получил. Все они не мои - все сгнили..." Даже икона-
евладень XV11 в. была подменена подделкой. Коммунистические грабители
не брезговали ничем. Прибирали к своим липучим рукам даже поношенные
вещи и тем более - ценные вещи.

Ниже в письме от 10 августа 1936 г. Н. А. Клезов еще раз отпраши-
вает: "Что слышно о Н. Васильеве? Где он?" Клезовский архив Клезовский архив
друзьям Но все годы, проведенные в Сибири, Н. А. Клезова часто сва-
дывали болезнью, пока он не сообщил В. Н. Горбачевой в мае 1936 г.:
"Очнулся как от литургического сна, дорогая Варвара Николаевна. Че-
тыре месяца был прикован к постели: разбит параличом и совершенно

беспомощен: отнялась левая рука и нога и левый глаз закрылся... я непоправимо болен пороком сердца в тяжелой форме... Долго был без памяти, да сейчас много не помню". После этого сообщения из письма в письмо следуют жалобы на беспомощность из-за болезни.

Каждется поэт и на преследование за духовную жизнь: "... ~~Ты~~ Посещение прекрасной нагорной церкви 18-го века с редкими образами для осмысленного чудовищное преступление!"

Все резе Н. А. Клевев пишет письма. В. Н. Горбачевой за весь 1936 год он ^ротправил их всего шесть, включая одну открытку и три - Н. Ф. Христофоровой-Садомовой.

Естественно, что восточная и землемо-лагерная Сибирь не влюбилась великого поэта в себя. В письме В. Н. Горбачевой от 23 февраля 1936 г. он так отзывается о ней: "Но Сибирь мною чувствуется, как что-то уже не русское: тугой, для конских поздрей, воздух, в леденой толпе много монгольских ублажителей и подумровов. Памятные кителями пельмени и огромные китайские самовары - без рая речеток и думишка в крышке. По домам почему-то железные жаровни для углей, часто попадает синяя Тянь-Дзинская посуда, а в подмытых половодьями береговых слоях реки Томи то и дело натискаешься на кусочки и черепки не то Сиамы, не то Индии. Все это уже не костромскими суслом, а каки-то кумисом мутит мое сердце..."

И еще: "... Весь этот народ - сахалинские отщепенцы, по виду дивари, очень любят сатиновые, расшитые татарскими отбром рубами, нежно-розовые или густо пунцовые, папахи дорогого намира с тульей их хорошего сунна, перекрепленной серебряным галуном, бабы любят броне с "с коралловой головой", ³⁰⁰непрямые - это считается большой модой - и придает ценность самой обладательнице вещи. Остатки по бртам носят на нее бисерный панцирь, с огромным аквамаринном посредине; прямо какая-то Вирна! Спят с собаками. Нередко собака слуши подумной... В обиходе встречаются вещи из черной меди, которые,

Меня очень удивило, когда впоследствии он сказал, что ему вот и десяти лет...

Киев пришел через несколько дней, вечером... Сидя у елки, И Алексеевич рассказывал нам "О коте Евстафии", как говорили сказки его родины, — с выразительным звукоподражанием мимикой и жестами. была совершенно зачарована и в первый раз... ощутила радость сопереживания с чудесным миром. И вполне понимаю Шеляпина, который, по словам Кивева, врывался к нему иногда поздно ночью в его ^ммосквитинскую квартиру, .. где все дышало Поморьем /и иконы старинной живописи, и художественная домашняя утварь/, садился ему в ноги на кровать и просил:

— Николушка, расскажи свои чудесные сказки.

Он ухом мог слушать их до утра, уходя отдохнувшим и как бы омытым в потоках этого чародейского искусства от ночных прирушек или утомившим его выступлениями.

Киевский дар звукоподражания был поразителен. Он изображал жульканье мухи под пальцами ребенка, разных животных, мог говорить разными голосами, так что трудно было представить, что это говорит один человек...

Киев стал часто бывать у нас.... Он умел открывать людям прекрасный мир, который видел вокруг себя....

При нем все окружающее становилось ближе, милее, уютнее....

Он рассказывал о Есенине, которого очень любил и влюбил. Говорил, что он был светлым, лучезарным юношей, когда появился из Рязани. Язык Пяницей он никогда не был, но из удали однажды выпил горячий спирт и с тех пор ничего не мог проглотить без водки, так как обжег вкусовые нервы....

В сентяб^ре 1999 г., во время Всероссийской научной конференции, проводившейся в связи со 115-летием Н. А. Кивева, мой новый знакомый ижевца из г. Кирова Владимир Константинович Семибратов подарил вы-

резку своей статьи из Кировской областной газеты "Кировская правда" за 1992 г. К сожалению, на вырезке не обнаружилось никаких других выходных данных. Статья называется: "Вятские соседи томского сеньного". В статье рассказывается о жителе г. Кирова Р.Ф. С. и И. И. Кропаневых, которые с начала 1937 г. жили в одном доме с поэтом по пер. "Красного Пожарника" в г. Томске. Приведу цитату из этой статьи: "И. И. Кропанева вспоминает о долгих разговорах, которые вел Н.А. Клевев с ее мужем, работавшем в то время на телефонной станции /"по столбам лавил"/. Рассказчице, живущей ныне в г. Кирове, Николай Алексеевич запомнился таким: "Человек добрый, ласковый, приятный, немногословный. Голос тихий. Вородочка волос светленькие. Ручки нежные, белые. При разговорах звал нас с мужем по именам - Ира, Се-дя.

Рассказывал, что в Америке был. Вспоминал о детстве где-то на севере: " Вот мы баньку истопим, принесем маменьке трав с цветами..." Вид он скромно: табуретка, стол, железная печка, которую, как и козлева топил углем. Готовил на ней оладушки, угощал наших ребят. Изредка получал откуда-то посылочки.

Иногда у Клевева собирались молодые люди. Пили чай тихо беседовали. Никто не курил...

Но продолжу свой рассказ о жизни и творчестве великого поэта в Томске.

В роковом 1937 г. Н. А. Клевев отправил В. И. Горбачевой всего два письма - во второй декаде апреля и 3 мая и одно И. Ф. Христофоровой-Садемовой - 6 апреля.

Последней поэт писал: "Поздравляю Вас с весенним солнцем! С Воскресением Матери сирой земли". В нем все еще теплилась надежда: "... осталось еще не так много - полтора года, если я их вынесу - продержусь, то я спасен..."

Но чекисты уже вынашивали и готовили убийство. 5 июня Николай

Алексеевич Клезов был арестован. В то время он жил в переулке Старо-Ачинском, 13. Теперь это пер Ачинский 15.

Сохранилось единственное стихотворение, написанное в Томске:

Есть две страны: одна - Вольница,
другая - Кладбище, меж них
Печальных сосен вереница,
Угрюмых пихт и верб седых!

Блуждая пасмурной опушкой,
Я оборонил свою клетку
И заупокойной кукушкой
Стучусь в окно к гробовщику:

"Ку-ку! Открой-ка двери, люди!"
"Будь проклят полуночный твой пес!
Куда ты в глиняном сосуде
Несешь зарю апрельских роз?!

Весна пригнала. В космы сосен
Вплещет сырая седина..."
Но, слыша скрежет трацких кросен,
Тянусь к злощасному окну.

И вижу: тетунка Могила
Ткет желтый саван, и челнок
Мелькает птицей чернокрылой,
Росдая ткань, как мерность строк.

В вершинах пляска ветродуев,
Под хрип волчицкой трубы
Читаю нити: "Н. А. Клезов -
Певец Олонецкой избы!"

Я умер! Господи узели?!
Но где же койка, добрый врач?
И слышу: "В розовом апреле
Оборван твой предсмертный плач!

Вот почему в кувшине розы
И сам ты - мальчик в синем льне!..
Спринит китейские обои
В далекой брэнной стороне.

К ним ^{нет} возвратного преселка
Там ирак, изгнание, Нарым.
Не бойся савана и волка,-
За ними с лютней Серафим!"

"Приди, дитя мое, приди, -
Запеда лютни неземная,
И сердце птичкой из груди
Перепорхнуло в кущи рай.

И первой песенкой моей,
Где, брачной чашей лелея,
Взда: люблю тебя, Рассей,
Страна грачиных озимей!

И ангел тот вторым: "Буди, буди!
Благословен родной евсень.
Его, как резани в сосуде,
Владеет Христос на Онный день!"

3. "Я видела Клеова"

В начале лета 1992 г. на одном из заседаний Томского областного общества "Мемориал" я познакомилась с поэтессой женщиной - Марией Ивановной Пангиной, чулымкой по национальности. Она сказала: "Я знала Клеова". И вот я у нее дома. Как бы продолжая начатый разговор она сказала:

- Мне тогда было тринадцать лет. Несмотря на то, что в справке Управления по Томской области Министерства Безопасности Российской Федерации, выданной мне 16 апреля этого года, указано, что мой папа Иван Семенович Пангин арестован 30 июня 1937 года, я отлично помню, что за ним пришли 2 июня и увели навсегда. А 5 июня явились за моим старшим братом Александром. Как раз в тот день мы всей семьей ходили на кладбище, что было на улице "Иркутский тракт", теперь именуется Пушкина. Вернулись с него лишь к ^ввосьми часам вечера и еще издали увидели двух молодых мужчин в белых теннисках; опиравшихся спинами на столбы калитки в воротах. Мы, не подозревая ничего страшного, прошли в ограду, а когда оказались в своей квартире, то там увидели троих таких же мужчин, сидящих воле стола. Едва мы появились, один сразу же спросил брата: "Вы Пангин Александр Иванович?" "Да, а что?" - заинтересовался брат, "Ты арестован", - объявил тот же незнакомый ^н"гость". Но сразу Александра не увели, а присидели, не вставая с места, до одиннадцати часов вечера. Когда же его повели, мы всей все кинулись следом и увидели во дворе человек пятнадцать арестованных на разных ближайших улицах, а не на одной нашей. Вместе с ними к нам во двор пришли все их родственники, образовалась большая толпа: жены и дети, матери и отцы - рвели в голос.

- Когда и где ты, Мария Ивановна, видела Клеова? - улучив момент, спросил я.

И Мария Ивановна рассказала следующее:

- Мы жили на Старо-Ачинской улице, в доме номер четыре, а моя подружка подружка Лиза Гребнева, примерно на год младше меня, с матерью Марией Алексеевной и братом жила на противоположной стороне улицы, в доме номер тринадцать. В их дворе была маленькая избушка, а в ней жил их квартирант, но что это был Клевев, я узнала из томских газет, когда о нем стали писать, по портрету. А в 1937 году я не раз видела, как он проходил по нашей улице, а потом и во дворе у подружки. Сразу спросила: "Лиза, а кто это?" "Это наш квартирант, в избушке живет"

На другой день после ареста брата я ей сообщила: "А у нас горе. Брата Шуру арестовали". Лиза тоже сказала: "И у нас квартиранта забрали".

Но воспоминания М. И. Пангиной заслуживают внимания не столько потому, что она видела Н. А. Клевева, а потому, что рассказала о массовом аресте томичей 5 июня 1937 года:

- Поглядеть на арестованных, собранных в нашем дворе, вышел из соседней квартиры наш родственник Степан Петрович Мишуков. Ему было уже под семьдесят лет, сгорбачился и ноги заплетались. Но ему сказали: "Пойдешь с нами!" Даже фамилию не спросили. Жена Мишукова запричитала: "Куда вы его, старого и немощного, уводите? Зачем он вам?" Ответили: "Сходит и придет". И сейчас "ходит". Вот недавно из книги "Воль ладекал" узнала, что и его, как и моего отца, и младшего моего брата Алексея, арестованного в поселке Минаевка Ачинского района, где он работал извозчиком леспромхоза, тоже расстреляли тогда же. А еще до этого дня на улице Октябрьской жил двоюродный брат нашего отца Тимофей Афанасьевич Пангин. Жена у него умерла, и он остался с тремя ребятками: старшенькой Зине было лет одиннадцать-двенадцать, Шура горбаченькая была лет девяти, а их братик Толик лет трех-четырех. Невадолго до этого дня в подвале нашего дома освободилась комната, и мой отец предложил ему перебраться в нее: "Чего тебе на

чужой кухне с тремя ребятами тесниться?" И пятого июня, когда из нашего двора выводили арестованных, Тимофей Афанасьевич со своими детьми в тележке, нагруженной вещами, подошел к воротам, один из конвоиров у него спросил: "Как фамилия?" Тот ответил. Ему приказали: "Пойдешь с нами!" "А детей-то малыш, куда?" - спросил дядя. "Вернешься к детям" - ответили ему. Томе был расстрелян. Не поглядели на детей. Брат Александр, арестованный в тот день, был осужден на десять лет лагерей и пять лет поражения в правах. Он день в день отсидел их на Колыме и вернулся домой в 1937 году, но в 1939 году его снова арестовали, и он год просидел в Томской тюрьме, а затем был выслан отбывать пять лет поражения в правах, сперва в Красноярском крае, а потом в Новосибирской области.

Убийцы работали четко и безжалостно, как отлаженная машина. Это был большевистский Мелок, поремадивавший десятки миллионов и десятки миллионов ни в чем неповинных людей. Теперь все названные мной томики и кизели Томской области реабилитированы посмертно.

О последних месяцах и днях Николая Алексеевича Клева рассказывать не буду. О нем много писалось как в местных, так и в центральных газетах и журналах, выпущено много книг.

На уже упомянутом мной "круглом столе" "литературной газеты" поэт Владимир Лазарев сказал: "... погиб Клев не ослабевшим, не сломленным..." Это подтверждено архивами Томского КГБ.

‡ +

Еще тогда, в октябре 1992 г. я в своем очерке, который теперь вошел в книгу почти без изменений, я писал: "Предлагаю переименовать в Томске проспект Ленина в проспект имени Н. А. Клева, а соответствующего названия площадь в площадь им. Н. А. Клева и здесь установить памятники великому русскому поэту... Но тогда власти города сделали вид, что мое предложение не заметили. Возможно, заметят теперь, в книге."

Н. А. КЛЕВЕР - ЭТНОГРАФ, ГЕОГРАФ, ИСТОРИК, АРХЕОЛОГ

Николай Алексеевич Клевер - великий русский поэт - первые свои стихи опубликовал в 1904 г., когда ему было 20 лет /родился в 1884/. А уже в 1908 г. А. Блок писал о нем: "Если бы ты знал, какое письмо было от Клевера... по приезде прочту тебе, это-документ огромной важности /в современной России - народной, конечно/, который еще и еще утверждает меня в моих ваветных думках и надеждах". И он же в 1911 г.: "Клевер - большое событие в моей осенней жизни".

Нельзя обойти незамеченным и высказывание С. Есенина 1918 г.: "Из поэтов-современников нравились мне больше всего Блок, Волод и Клевер".

Таким образом, уже в то время Н. А. Клевер ставился наравне с корифеями поэзии начала XX столетия. Но, отмечая народность творчества Клевера, тот же Блок видел только эту единственную особенность своего заметного современника. И это естественно -- был тогда лишь 1908 год.

Сегодня, более широко и глубоко познав творчество Н. А. Клевера, отчетливо видишь обширное и глубокое знание им российской этнографии, а также мировой географии, истории и даже сибирской археологии.

Особенно детально отражена этнография русского народа.

Естественно, что наиболее ярко она отражена на примерах родного дома, собственных родителей - матери и отца, русского Севера, богатого народным фольклором, особым колоритом крестьянской жизни и одежды, образа жизни.

Не случайно, этнографические сведения содержатся уже в одних из ранних стихотворениях Н. А. Клевера. Например, в стихах 1908 г. "И надону черную рубаху..."

Вспомни маму, крашеную прялку,
Синий вечер, дрему паутины,
За окном ночующую галку,

На окне любимый бальзамин.
~~Бугайки, нежные просторы~~
Луговин поемные просторы,
Тиньку обкошенной межи,
Облаков жемчужные узоры
И девичья песенку во ржи...

здесь тесно переплетаются приметы русской избы и крестьянского быта, окружающей природы и деревенского образа жизни.

Очень часто деревенский быт // Н. А. Кляев живописует ярко, со знанием малейших деталей:

В красовитый летний праздничек
На раскат-широкой улице -
Будет гульное гулянье -
Пир - мирское столованье,
Как у декушек-сугревушек
Будут подлизы штенные,
Сарафаны золоченые,
У дородных добрых молодцев,
Мигачей и залхватчиков,
Перелетных зорких кречетов.
Опояски соловецкие,
Из семи шелков штенные...

"Обицин кляч". 1908, 1919 гг.

Вновь и вновь Н. Кляев в своей поэзии возвращается к образу своей любимой матери, начиная со стихотворения "Александрю Блоку 1910 г. и до величайшей поэмы начала 30-х годов "Песнь о Великой Матери, чудом сохранившейся в мрачных подвалах КГВешной Лубянки. К сожалению в предисловии к настоящей книге я не указал, что и в ГВешке "Огоньке" и в журнале "Знамя" подготовка текста "Песни о Великой Матери" и ее публикация В. А. Шенталинского.

Есть у нас вешний очаг,
Матери мерная прялка.
В снежности синих ночей
Будем под прялки вужжанье
Слушать прилет журавлей,
Моря глухое дыханье.....

Александрю Блоку. 1910 г.

И вновь, и вновь:

Вон серые избы родного села,
Лука, перелески, кладбище...

1911 г.

... Тепленье дышит печь - ночной небылице.

1912 г.

Счастье первое дитя
Усыпить в скрипучей вышке...

1913 г.

... Веселы будут отминки,
В скверцах духмяна поляна.

Спят за омежками риги,
Роца пристанище мглы,
Будут пахучи ковриги,
Зимние кабы тени.

Минет пора обмолота,
Пуца разветрит листы, -
Будет добычна охота,
Доски на сницах холсты...

1913 г.

Поэт вновь и вновь вторит приметы русского этноса: бытового, сельского с крестьянским трудом, окружающей природы, ибо без нее не-

возможно представить русского человека в его общественной жизни.

И как опус всего русского, стихи И.А. Князева "Рождество избы" 1915 г., невозможно не привести целиком:

От кудрявых стружек шнует смоля,
Духовит, как улей, белый сруб.
Крепкогрудный плотник темет колья,
На слова медлителен и скуп.

Тепел наз, захватисты кокоры,
Крутолоб тесовый шоломок.
Будут рябью писаны подзоры
И лудянской выпестрен конек.

По стене, как зерьнь, пройдут зарубки:
Сукрест, лалки, крапица, рядки,
Чтоб избе-молодке в красной шубке
Язь и сень мерещились - легки.

Крепкогруд строитель-тайновидец,
Перед ним щела, как письмомена:
Заплет резная нава с крылец,
Вызнет ярь с напичника окна.

И когда оческами кудели
Над избой вздохматится дымок -
Сказ пойдет в красном древодеде
По лесам на запад и восток.

Вот она, избяная Русь, вот творец избяной России, прославленной
резными теремами большими и малыми! Эти терема от рождения видел по-
ет на русском Севере и до смерти в Томске. Не мог же он пройти ми-
не их, когда отправлялся на Каменный мост за министрыней и обратно.
В избянии они попадались ему, когда он посещал и "прекрасное" по

его выражении, городское кладбище, Воскресенскую церковь.

В натуре русского человека-мастера - постройку деревянный терем,
красиво назвать село, город:

В селе Красный Волос приглядный народ:
Лебедушки дедки, а парни, как мед,
В моленных рубахах, в беленых портах,
С машинной речью на крепких губах...

Из цикла "Избяные песни". 1914-1916

Исключительно богата сведениями по русской этнографии поэма Н. А. Клычева "Погорельщица", созданная в 1927-1928 гг. В ней можно встретить целые красочные куски, ярко изображающие не отдельно русского человека, а целые города и обширные местности, включающие в себя не только русский этнос, но и украинский с их характерными особенностями и приметами:

Студена Коля, Поволжье и Дон
Тверды не железом, а воском икон.
Гончарное дело прекире село,
Им славятся Вятка, Опення-село;
Цветет Украина румным горшком,
А Вятка кунганом, ребячьим коньком.
Сиговец же Андому знает реку,
Там в кринках кукушки ку-ку да ку-ку,
Журавль-рукомойник курлы да курлы,
И по сту годов доможирают котлы...
Сиговому Лбу похваля Селиверст,
Он вылепил Спаса на Лепский погост,
Украшил суримей и в печице яблках обжар,
Сурев и прекрасен глазу рева бог...

В другом отрывке, тоже о городах и местностях поэт живописует традиционные занятия, культуру и искусство:

Из мрака вопиющая сотруба,
В дощатых бусках зазерка,
С морем и с ветром Москва,
Вадцай — ладки в паваньских перьях,
Звенигород, где на стенах
Крыль плещет струфоканья,
И Вологда, вся в кружевах,
С Переяславом багровым.
За ними Новгород и Псков —
Златя в кафтанях аялабасках,
Два лебеди на водах лоник —
С седом Ладогой Ростов.
Вяба резная — Кострома,
И Киев — чур валосторогий
На цариградские дороги
Гладит с Перунова хомана...

В этнографической части клеверского наследия невозможно остановиться на каком-либо одном примере обширной основы русской и мировой мифологии, фольклора, которые органически присущи этносу: здесь и имена богов, и сказочные герои и существа.

С тех пор, как возникло государство и в результате разделения труда появились рабы и рабовладельцы — эти до сих пор существующая каста, в природе русского этноса — убийство, казнь себе подобных, правых и виноватых, особенно, первых, тюрьма, осмыка инаномьянцев, не разделивших господствующую идеологию рабовладельцев, в природе русского этноса. Казнь — это посадить на кол, сечь на костре, повесить, расстрелять и другие ее разновидности, еще более изощренные. Тюрьма, в советский период — лагерь смерти, осмыка — самые популярные у рабовладельцев виды империализма над инаномьянцами.

Не избежал судьбы унизка ни в доктябрьский, ни в советский периоды Н. А. Клюев. Он принимал активное участие в революционной пропаганде среди крестьян, в 1906 г. был арестован за "хождение в народ", распространение прокламаций, стихи, созданные в 1905-1911 гг., и посвященные тюрьме, быту узников:

"Беззаветным рабом
Я в могилу сойду,
Под основным крестом
Свою долю найду".

1905 г.

На часах у стен тюремных,
У скованных ворот,
Скучно в думах неизбежных
Ночь унылая идет.

1907 г.

Я надену черную рубашку
И вслед за темным фонарем
По камням двора пройду на княжу
С молчаливо-ласковым лицом...

1908 г.

Уже в этих ранних стихах Н. А. Клюев предугадал собственную неминуемую гибель в тюремных застенках. Ведь изумительно точно описан двор томской тюрьмы, во дворе которой его расстреляли в конце октября 1937 г. Да, не избежал поэт сибирской ссылки, томской тюрьмы и гибели. Сохранилось единственное стихотворение 1937 г., в котором он описал их быт и собственную гибель:

Скрыты зитейские обозы
В далекой брешневой стороне.
К ним нет возвратного проселка
Там мрак, изгнание, Марш...

... Читаю книги: "Н. А. Клевер —
Повесть Олоонецкой поэмы!"

Я умер! Господи, ужели?!
Но где же койка, добрый врач?
И слышу: "В розовом апреле
Оборван твой предсмертный плач!.."

Но в этих стихах трагедия всего лишь одного человека, самого поэта, Гены. А на несколько лет раньше, в поме "Разруха", сохранившейся в архиве НКВД на Лубянке как приложение к протоколу допроса Н. А. Клевера от 15 февраля 1934 г., поэт рисует обобщенный образ коммунистической машины:

То Беломорский смерть-канал,
Его Анимушка копал,
С Ветлуги Пров и тетка Фекла.
Великороссии промокла
Под красным ливнем до костей
И слезы скрела от людей,
От глаз чужих в глухие топи.
В немеренном горючем скопе
От вачки, вастуна и горетки
Она расплавом беломорским
В шлевах и дамбах высит воды.
Их рассекают пароходы
От Новенца до Рыбьей Соли, —
То памятник великой боли...
Россия! Лучше б в курной саге...
С тресковым пузырьром в прорубе,
Но в хвойной непроглядной куче
Вортылакши над в кудесной речи
И блинный хоровод у печи,

По Азии же ближ-чурек,
Чтоб насыщался человек...

Одним из способов массового истребления народа, крестьянства
большевики-человеконенавистники выжили себе на вооружение организа-
цию повального голода. Так было и в начале 20-х годов истекающего
столетия, ~~хисежДовжжжж~~ в период так называемого военного коммунизма,
~~когда под~~, когда под видом голодухи в Поволжье, крестьяне были
подчистую ограблены до единого зерна. Попутно, возглавляемые боль-
шевиками продотряды учинили над ними неслыханные зверства, вынуждая
людей на трупоедство и людоедство.

Исклчительно правдиво об этом пишет Н. А. Кляев в своей поэме
"Погорельщина":

Тоскует нечи по ковригам,
И шарит оторопь по ригам
Цероць кормилицы-мучицы...
Поедени туши и пими,
Кора и кока с хомутов,
Не насыщая животов...
И синеглазого Васютку
Напредки посолили в кадку...
Малтку ^ю кликнули во двор.
За кус говядины с печенкой
Сосед освежевал мальчи^тнку
И серой солью посолил
Вдоль птичьих ребрышек и жин...

Поэтическое наследие Н. А. Кляева буквально насыщено географически
скими понятиями как мировыми, так и российскими: от Индии и Палестины
до Восток до Обь и Енисей. Мелькают города и страны, местности.
Вот строки из стихотворения 1911 г. "В алатотканые дни сентября
сентября...":

Сосны несут про прах и зыбь,
Про бубенчик и жестком пути,
Про садне буржуйские дали...

Строки 1916 г. "Земли и железо":

Индийская земля, Египет, Палестина...

Особо следует остановиться на письмах Н. А. Келашева из Колпашево и Томска. Как и все киевское наследие их можно отнести к эмбриональным творениям, несмотря на то, что в сибирской ссылке он, больной и покинутый человек, претерпев бесчеловечные пытки голодом от органов НКВД.

В посланных своим московским друзьям он сообщает: "... Поселок Колпашев - это бугор глины, уселенный почерневшими от бед непогодиц заблудившимися, догуга набитыми семьями..."

Население - 80% ссыльных - китайцев, сартов, экзотических кавказцев, украинцев, германоязычные городская ипана, бывшие офицеры, студенты и болящие люди из разных концов нашей страны - все чуужие друг другу и даже, чаще всего, враждебные, все в поисках краешка которого нет, ибо Колпашев - давным-давно стал обглоданной костью. Вот он - знаменитый Нарым! Недаром поэты говорят, что болючий черт родин Нарым грызет..."

И оттуда же, из Колпашева:

"Небо в локотьях, касне, ялетавце с тысячеверстных болот дожи, немочный ветер - это зовется здесь летом, затем спиреная 50-градусная зима..."

Затем в Москву пошли письма из Томска:

"Также здесь прекрасное кладбище - на высоком берегу Томи, березовая и пихтовая роща, есть много замечательных могил. Но заворонков и сельских ласточек здесь не слышно. Ласточки только береговые, и множество синих ястребов. Еще до Покрова выпал снег, ветер ниже зыбный и зыбный, всеарящий, илущий и человечески бездомный..."

Примеры описания климатических условий в Томске из писем Клычева можно приводить еще и еще. Они все точны и метки.

С географическими обозначениями в неменьшей степени соседствуют и исторические факты, по-своему красочно осмысленные поэтике великим поэтом, мастером. В этой статье нет места для разбора поэмы, а скорее всего, романа в стихах "Песнь о Великой Матери". Эта поэтике великая вещь заслуживает более глубокого осмысления и отдельного исследования.

Поэтому остановлюсь на П. А. Клычеве как историке на основе лишь двух сборников его поэтических произведений: "Избранное. Стихотворения и поэмы" - Москва "Советская Россия", 1981 и "Стихотворения и поэмы", Москва, "Июдаев гвардия", 1991. Исторические ракурсы встречаются в стихах и поэмах этих сборников без малого в каждой и произведении. Приведу лишь некоторые, особенно яркие.

В стихотворении "Нерушимая стена", написанном в 1931-1932 гг., читаем:

То пресветлому князю Ватий
Преподное поганый кумье, -
Полонянкой тверские хаты
Опустили ресницы вниз...

Исключительно ярко выписаны исторические картины в поэме "Деревня", созданной в 1926 г.:

Будет, будет русское дело, -
Объявится Иван Третий
Поправь татарские плечи,
Ясак с ордынской басмой
Сметет мушкет бородаю!
Нам луби Вухары, Алтан, -
Не тесно в родимом краю краю,
Вумит Куликово поле
Ковыльной залотной долей,

И в этом же разделе поэмы Н. А. Ильев как бы закрепляет высказанную им провидческую мысль:

Нам вести душу обожгли,
Что больше нет родной земли,
Что энбь Арала в мяти мертвой тине,
Замок Грицко на Украине,
И Север - лебедь ледной -
Исток бездомною волной,
Оповещая корабли,
Что больше нет родной земли!

Как видно, поэт, обнажив еще в свое время сущность некомпетентного и непрофессионального, а порою, и вовсе безграмотного и преступного большевистского руководства, предсказал экологическую катастрофу, приводящую фактически к уничтожению целого моря на территории СССР, обмеление Волги с искусственными границами "морями", превратившиеся в застойные, заросшие тиной озера-дуны, уничтожение когда-то родных полей командно-административной системой, истребление прекрасных русских лесов, и все это на радость агрессивному зарубежью: "... И Север - лебедь ледяной - истек бездомною волной. Оповещая корабли, что больше нет родной земли!"

Вдобавок того, что совсем удивительно, поэт предсказал взрыв Чернобыльской АЭС, загрязнившей радиацией половину Украины, без малого чуть не всю Белоруссию и целый ряд российских областей, а также и почти всю зарубежную Европу, а все проживающие на названной территории народы на неминуемое постепенное вымирание и, в итоге, превращение этих пространств со временем в мертвую зону на сотни лет.

В этой же поэме великий поэт предвидел и кровопролитные войны на Северном Кавказе: "... Бя вести черные из Карабаха..." Именно с него, Карабаха, они и начались, а затем пошли: Грузия и Абхазия, Приднестровье и Молдавия, Чечня и Россия.

А войны — это потребление целых или части народов и геноцид против них.

И, наконец, надо обратить внимание на Н. А. Клева — археолога. В письмах из Томска он сообщает ф. своих археологических находках: "... в подмытых половецкими береговых слоях реки Томи то и дело наткнуешься на кусочки и черепки не то Снама, не то Индии".

И вот еще, где он дает описание одной из собственных находок: "В обиходе встречаются вещи из черной меди, которые, наверное, видели Ермака и бывали в гаремах монгольских Каганов, Великое множество красоты гибнет, Куанси в речке Ушайке, я нашел в щелке крест с надписанием, что он из Ростова и сделан при князе Владимире..."

Подводя итог обзору поэтического и энциклопедического наследия Н. А. Клева, приходим к выводу о том, что великий русский поэт был не только гениальным литератором, но и энциклопедом, географом, историком и археологом.

О Н Б Н Л П Р О Р О К О М

Сказано, что "нет пророков в своем отечестве". Но эту формулу опроверг великий русский поэт, пророк XX столетия, Николай Алексеевич Клев. ...

Октябрьский переворот большевистский переворот он принял безоговорочно, но в 20-е годы началось его постепенное осознание сущности большевистского человеконенавистничества. И к 30-м годам, в зрелом его поэтическом творчестве, появляются стихи и поэмы, исполненные правды и пророчества. В поэме "Разруха", ^э поэт пишет:

То Веломорский смерть-канал,
Его Акмушка конал,
С Ветлуги Пров и тетка Сенда.
Великороссия промокла
Под красным линием до костей
И слезы сирфа от людей,

От гнилых чумих в гадкие топи
В немерянном горьком слове
От тачки, вастува и горюхи
Они раскидыв^{оу}шиноморскими
В шиб^увах и дамбах вылет воды...
Их рассекают паракосы
От Повенца до Рыбьей Соли -
То памятник великой боли...

Недаром Н. А. Кшнев по сфабрикованному НКВД обвинению был осужден на пять лет и сослан в Сибирь. Так осенью 1934 года он оказался в Колпашево. Оттуда поэт писал своим московским друзьям, что "сгорел на "Погорельщине", которую, конечно, нигде не напечатали, и он читал ее в кругу своих друзей и близких.

Провидческая суть поэзии Н. А. Кшнева проявилась уже в первые годы его поэтического творчества. Так, уже еще в 1908 году он точно предугадал собственную гибель в тюремном дворе Томска:

И надену черную рубашку
И вослея за мутным фонарем
По камням двора жейдух пройду на плаху
С молчаливым масковым лицом.

В октябре того же 1934 года поэт был переведен в Томск и расстрелян 23-25 октября 1937 года.

Однако еще в поэме "Разруха" появились поистине провидческие строки, в которых Н. А. Кшнев предугадал вторую половину XX столетия:

К нам вести ченные пришли...
Что больше нет родной земли...

И в этом же разделе поэмы Н. А. Кшнев закрепляет высказанную им пророческую мысль, впоследствии, в наше время, оказавшуюся горькой истиной для русского человека, каждого россиянина:

... замолк Грицько на Украине,
И Север — Лебедь ледная -

Ветер бездомной волны,
Оповещая корабли,
Что больше нет родной земли!

Так великий наш русский поэт предсказал экологическую катастрофу
взрыв на Чернобыльской АЭС и превращение России в сырьевой придаток
Запада, в конце XX столетия без надежды в войну победившего прогнив-
шую коммунистическую систему,

У ПОСЛЕДНЕГО ПРИВЫШКА ПОЭТА

Тихий заброшенный переулочек "Красный пожарник", утравившийся в об-
раб и превращенный в мусорную свалку, похож на деревенский уголок:
домишки убоги и обветшалы. Приемистый домик в четыре окошка под дво-
надцатым номером - самый маленький и неприметный. В 1934 - 1937 годах
здесь квартировал знаменитый русский поэт Николай Алексеевич Клевов.

Среди почитателей его творчества, собравшихся к этому домику на
открытие мемориальной доски, были писатель В. Н. Макшеев, доценты
ТГУ В. Н. Полянер и Р. И. Колесникова, исследователь творчества Кле-
ова профессор ТГУ Л. Ф. Пичурин, сны писательницы М. К. Халфиной
А. Д. Камбалов и другие.

Со вступительным словом о поэте обратился старший научный сотруд-
ник областного краеведческого музея Н. В. Серебrenников.

✦ В середине шестидесятых, - рассказывал А. Д. Камбалов, - я встре-
тился с бывшим узником сталинских лагерей поэтом и прозаиком Михаи-
лом Павловичем Харбиным (Кубышкиным). Где-то на пересылке или в лагере
он познакомился с заключенным, который знал Николая Алексеевича Кле-
ова, и тот на память прочитал его стихи. Кубышкин тоже их запомнил,
а я услышал их от него.

Вы на себя плетете петли
И наостраете мечи.
Лицу вотще: меж вами нет ли
Рассвета адушек в ночи?

На мне убогая сермяга,
худая обувь на ногах,
Но сколько радости и блага
Сквозит в поруганных чертах.
В мой хлеб мешаете вы пепел,
Отвагу горькую - в вино,
Но я, как небо, мудр и светел
И неразгадан, как оно.

... Н. В. Серебренников снимает с мемориального знака покрывало. Это не обычная металлическая доска, а деревянный крест. На кресте прикреплена бронзовая пластина в виде развернутого листа бумаги, на котором начертано:

"Здесь с октября 1934 г. по март 1937 г. жил сын поэт Николай Алексеевич Клевер. 1884 - 1937".

Изготовление мемориального знака было оплачено за счет пожертвований, полученных во время бесплатной демонстрации в Томске английского кинофильма "Академик Андрей Сахаров" и средств, выделенных областным историко-просветительным обществом "Мемориал".

П. Барсагаев.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Клзев Н. А. Братские песни, М., 1912.
Клзев Н. А. Сосен звон. М., 1912.
Клзев Н. А. Лесные были. М., 1913.
Клзев Н. А. Мирские думы. СП, 1916.
Клзев Н. А. Мирские думы. С-Г, 1919.
Клзев Н. А. Песенслов в 2-х т. П-Г, 1919.
Клзев Н. А. Мецний кит. П-Г, 1919.
Клзев Н. А. Дзвоний хлеб. М., 1922.
Клзев Н. А. Сочинения в 2 т. Мюнхен. 1969.
Клзев Н. А. Стихотворения и поэмы, Л., 1977.
Клзев Н. А. Избранное, М., 1981.
Клзев Н. А. Стихотворения и помы, Архангельск, 1986.
Клзев Н. А. Завоцание, М., 1988.
Клзев Н. А. Песенслов. Петрозаводск, 1990.
Клзев Н. А. стихотворения и поэмы. Томск, 1990.
Клзев Николай. Стихотворения и поэмы. М. "Советская Россия", 1981
Клзев Н. А. Стихотворения. Поэмы, М., 1991.
Николай Клзев. Стихотворения и поэмы. М. "Молодая гвардия", 1991
Николай Клзев. Песнь о Великой Матери. Журн. "Огонек" № 35 - 37.
Подготовка текста и публикация В. А. Шенталинского.
Николай Клзев. Песнь о Великой Матери. Журн. "Знамя", октябрь 1991.
Николай Клзев. Разруха. Цикл неопубликованных стихов. /Приложение к протоколу допроса от 15 февраля 1934 г./ Журн "Огонек" № 43, октябрь 1989. Рубрику ведет Виталий Шенталинский.
Николай Клзев. "Холодное, как смерть, равниной бездыханной"; Трудовой путь, 1907, № 5.
Николай Клзев. "Казарма", Трудовой путь, 1907, № 9.

Николай Клезов в последние годы жизни. Жизнь и документы. По материалам семейного архива. Курч. "Новый мир" № 8, 1988. Публикации, редакционная статья, подготовка текстов и комментарии Г. С. Клычков и С. И. Субботина.

Азарицкий К. Николай Юзев, Путь поэта. Л., 1990.

Азарицкий К. М. Раннее творчество Н. А. Клезова. Русская литература, 1975, № 3.

Баванов В. Г. С раннего берега. Николай Клезов. Путь поэта. Л., 1990.

Баванов В. Г. Николай Клезов /1884-1937/. Вступит. статья к книге Николай Клезов Избранное. Стихотворения и поэмы, М., 1981.

Библиографические материалы к биографии

Барсагаев П. А. Аввакум двадцатого столетия. Томский период жизни и творчества поэта Николая Клезова. Томская областная газета Народная трибуна № 206 - 207, от 24 октября 1992.

Барсагаев П. А. У последнего прибежища поэта. Томская областная газета "Красное знамя" № 248 от 30 октября 1990.

Барсагаев П. А. Он был пророком. Шегарская районная газета "Шегарский вестник" № 107 от 22 октября 1998.

Коллектив авторов. Николай Клезов. Исследования и материалы. Редактор-составитель С. И. Субботин. М. "Наследие", 1997.

Каваркин А. П. Апокалиптика Н. Клезова /в истолкование поэмы "Песня о Великой Матери"/. Вестник Томского Государственного Университета. Январь 1998.

Николаев А. И. "Простите, не забывайте". Север, 1994, №9.

Пичурин Л. Ф. Последние дни Николая Клезова. Изд. "Водолей". Томск, 1998.

Кунцев Станислав. "Клезов - океан многозвонный..." Вступит. статья в сборнике к книге: Николай Клезов. Стихотворения и поэмы. М. "Водолей гвардии", 1991.

Хардигов Юрий, "Кровь моя... связует две эпохи". Ссылка и гибель Николая Клеова. Наш современник за 1989.

Христофорова-Садонова^{Н.С?}, Воспоминания о Н. А. Клеове. Наш современник, 1998, № 5. Публ. Михайлова А. И.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие.....	
Аввакум двенадцатого столетия	
Н. А. Клеов - этнограф, географ, историк, археолог.....	
Он был пророком.....	
У последнего прибежища поэта.....	
Литература,.....	
Содержание	